

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

510201

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

АВГУСТЪ.

1878.

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СХСІІІ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАНЕВА

Екатери. навалъ, между Вознес. и Маринскииъ мостами, д. № 90-1.

1878.

О дѣятельности высшихъ женскихъ курсовъ въ Казани за 1877—78 учебный годъ	102
Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ за- веденій	108
Письмо изъ Парижа Л. Л—ръ.	129

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.

Observationes antiphontae V. Gernstedt.	1
Занятія въ русскомъ филологическомъ обществѣ въ Лейп- цигѣ А. Головачевскаго.	30
Общественное положеніе и семейная жизнь женщины у дре- внихъ римлянъ К. Гельбе.	37

БИБЛИОГРАФІЯ.

Одиссея Гомера съ примѣчаніями. Выпускъ I. Пѣсни I.— III. СПб 1878 Игнатія Мейера.	64
---	----

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Исторія среднихъ учебныхъ заведеній въ Россіи. Е. К. Шмида.	
--	--

ОБЩЕСТВЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ ЖЕНЩИНЫ У ДРЕВНИХЪ РИМЛЯНЪ.

„День свадьбы и день похоронъ жены—два самые пріятные дни супружества“. (Нирропах, fragm. 21 Bergk, Lyrici pag. 511—532; 887), Это изреченіе остроумнаго либograфа Гиппопакса какъ нельзя лучше характеризуетъ общее мнѣніе Грековъ о женщинѣ. Общественное положеніе Гречановъ было весьма печально. Законодательство Солона, посвящая мужей исключительно общественной жизни и отчуждая ихъ отъ жизни семейной, ставило женщину на задній планъ и уничтожало всякую равноправность обоихъ половъ. Не слѣдуетъ однако (какъ это обыкновенно дѣлаютъ) придавать одностороннимъ сужденіямъ древнихъ писателей относительно малаго уваженія, которымъ пользовались аѳинскія женщины, преувеличенное значеніе. Нельзя упускать изъ виду, что Сократъ, Платонъ, Аристотель настоятельно указывали на значеніе женщины. Въ „Экономикѣ“, сочиненіи Ксенофонта, ученика Сократа, Исхомахъ обращается даже къ своей молодой женѣ съ заявленіемъ, что она въ домѣ его будетъ пользоваться большими почестями, чѣмъ онъ самъ; онъ будетъ ей слугою и ей печего опасаться, чтобы онъ разлюбилъ ее на старости дней; напротивъ, состарѣвшись, она въ домѣ его будетъ почитаема тѣмъ болѣе, „чѣмъ болѣе ему будетъ вѣрною подругою, а дѣтямъ заботливою матерью.“ (Хеп., Oecon. cap. 6 sqq.) Но слова эти должны быть приняты скорѣе въ смыслъ объясненія въ любви и не выражали тогдашняго общаго мнѣнія о женщинѣ. Изъ условій, въ которыя Аристотель ставитъ женщину въ своей „Этикѣ“, ясно, что у древнихъ Аѳинянъ женщина почиталась немного выше рабыни.

Совсѣмъ другое было положеніе женщины у древнихъ Римлянъ. Если мать семейства у Римлянъ еще не пользовалась тѣмъ почетомъ, какимъ она была окружена у древнихъ Германцевъ, у которыхъ женщина была покровительницею домашняго очага, соучастницею и совѣтницею мужа во всѣхъ его предпріятіяхъ и побощахъ, то все-таки никакъ нельзя сравнить римскую женщину съ греческою, по крайней мѣрѣ съ афинскою; у Спартанцевъ положеніе женщины было немного лучше, чѣмъ у Афинянъ.

Уже съ самаго начала римской исторіи (слѣдуетъ только упомянуть о послѣдствіяхъ похищенія Сабинянокъ, объ установленном Ромуломъ празднованіи матроналій, о наименованіи 30 курій, то-есть, большихъ дворянскихъ родовъ, учрежденныхъ Ромуломъ, по прозваніямъ женщинъ, объ освобожденіи женщинъ отъ всякой домашней работы за исключеніемъ пряжи и тканья шерсти) замѣтны какъ патриархальное домашнее право женщинъ, такъ и святость брака и строгость семейной жизни, словомъ—видно, что римская женщина, матрона (какъ она называлась у Римлянъ), занимала совершенно достойное положеніе. По постановленію Ромула, при встрѣчѣ съ женщиною на улицѣ, каждый долженъ былъ предупредительно пропустить ее, отходя въ сторону. Оскорбившій женщину дерзкими словами или дѣяніями привлекался къ уголовному суду, а разлучившійся съ своею женой безъ основательной причины, обязанъ былъ отдать ей половину имущества. (Plut. Rom. 22.—Gai. IV, 250. Inst. IV, 4, 1. Isidor, XI, 8. Serv. ad Veg. Aen. XI, 476. Schol. ad Hor. Sat. I, 4, 96, seqq. Becker, Gallus I, pag. 60. Quinct. VII, 4, 11. 38. Cfr. Liv. II, 33, 5 sqq.; III, 71, 6). Когда Коріоланъ осаждалъ Римъ, къ нему высланы были женщины для переговоровъ и въ благодарность за успѣшно выполненное ими порученіе Римляне имъ воздвигли храмъ. Женщины имѣли право носить пурпуровыя платья, обшитыя золотыми галунами, (Paul. Diac. v. matron. pag. 125 M. Tertullian de cult. fem. 12. Isidor XIX, 2, 5), развѣзжать по городу въ колесницахъ (Liv. 5, 25. Serv. ad Verg. VIII, 666; XI, 477. Sueton Caes. 43; Dom. 8); на похоронахъ ихъ публично чествовали похвальными словами (Liv. V, 50. Plut. Cam. 8. Cic. de orat. II, 11, 44). Завѣдуя всѣми домашними дѣлами, воспитывая дѣтей и охраняя честь дома, римская матрона, то-есть, замужняя женщина пользовалась такимъ же уваженіемъ, какъ и глава семейства, paterfamilias, не только дома, но и внѣ онаго. Женщины могли являться предъ судомъ въ качествѣ истца и свидѣтеля; онѣ присутствовали на публичныхъ зрѣлищахъ

и торжественныхъ пирахъ (Nep. praef. 8. Mart. VIII, 74, 4. Cic. pro Cat. 8, 20. Ovid. Trist. II, 501 Juven. II, 201 sqq. Suet. Oct. 44. Ovid. A. A. I, 93 sqq. Propert. II, 19, 9. Macrob. Sat. III, 13, 11 pag. 312 Jan.), не находились, подобно Гречанкамъ, подъ присмотромъ рабовъ, приставленныхъ къ нимъ мужьями изъ ревности, не запирались въ особое помѣщеніе дома; но, напротивъ, весь домъ былъ доступенъ римской женщинѣ, она занимала важнѣйшую его часть, называемую „atrium“. Знаменательно, что два государственныхъ переворота — низверженіе монархіи и упраздненіе децемвирата — были послѣдствіемъ постыдныхъ насилій надъ женщинами (Liv. II, 13, 6 sqq. Verg. Aen. VIII, 651. Plin. 34, 6, 28. Sen. ad Marc. 16, 1). Въ честь героической Клѣліи была поставлена—безпримѣрное отличіе—конная статуя. Дѣвицы безукоризненнаго поведенія охраняли святой огонь на altarѣ Весты и лишь матроны удостоивались встрѣчать символъ Пессинунтской матери боговъ при вѣздѣ ея въ Римъ. ((Liv., XXIX, 10, 14. Cic. Har. resp. 13, 27; 28. Fam. 2, 12, 2. Ovid. Fast. IV, 259 sqq.). Сознавая свое положеніе, Римлянки готовы были даже силою поддерживать свое вліяніе. Случилось именно, что однажды рѣшеніе сенаторовъ не удостоилось одобренія со стороны матронъ. На другой же день двинулись онѣ толпою къ ратушѣ и неотступно осаждали собравшихся тамъ сенаторовъ до тѣхъ поръ, пока послѣдніе не отиѣнили постановленія. Это произошло въ 449 и 159 годахъ до Р. X. Позднѣе, въ 43 году до Р. X. 1.400 замужнихъ женщинъ (matronae) прямо объявили войну триумвирамъ, заставлявшимъ всѣхъ преклоняться предъ собою; такъ триумвиры, распредѣляя военный палогъ, дерзнули привлечь къ участию въ немъ и женщинъ. Онѣ возстали противъ этого, и неустрашимой и краснорѣчивой Гортензіи, дочери знаменитаго оратора Гортензія, удалось побудить триумвировъ къ уменьшенію на половину наложенныхъ на женщинъ податей (Val. Max. 18, 3, 3; Quint. I, 1, 6).

Почетное положеніе римской хозяйки дома, которую всѣ члены семейства, не исключая даже и ея мужа, звали не иначе какъ domina (Ter. Heant. IV, 1, 15. Verg. Aen. VI, 397; Ov. Trist. IV, 3, 9. Suet. Claudius, 39. Sen. fragm. XIII, 51. Orelli, 2663. Petron. 62)—явствуетъ еще болѣе изъ значительнаго вліянія, которое она имѣла на воспитаніе дѣтей. Подростающихъ дѣвицъ она приучала къ скромности и цѣломудрію; бдительно устранила все, что могло вредить ихъ цѣлности.

Катонъ, исправляя однажды должность цензора, исключилъ изъ

сената нѣкоего Манилія, который среди бѣлаго дня въ присутствіи своей дочери поцѣловалъ жену (Plut. Cat. mai. 17. Liv. XLV, 17). Публий Мевій убилъ человѣка, освобожденнаго изъ рабства, только за то, что тотъ, какъ разказываетъ Валерій Максимъ, по неосторожности коснулся губъ его дочери. Императоръ Августъ, заставлявшій по старому обычаю свою дочь и внучку заниматься пражею, запрещавшій имъ говорить между собою о томъ, чего нельзя было сказать публично, упрекалъ однажды благороднаго юношу въ нескромности за то, что тотъ пріѣхалъ на воды въ Байю, чтобы видѣться съ его дочерью (Sueton., Oct. 64).

Тацитъ упоминаетъ о слѣдующей прекрасной чертѣ одной благородной Римлянки, неопровержимо свидѣтельствующей о томъ уваженіи, которымъ пользовалась у Римлянъ matrona какъ воспитательница дѣтей. Благородную и умную дочь Сципіона Африканскаго Старшаго посятила подруга, любившая хвастать своими драгоценностями. Дочь Сципіона привела къ ней своихъ сыновей, заявляя, что они составляютъ единственную ея драгоценность.

Все сказанное выше объ общественномъ положеніи римской женщины, относится, впрочемъ, лишь къ періоду царей и республики. Въ императорскій періодъ наступаетъ печальная эманципація женщинъ; неопровержимымъ доказательствомъ умноженія случаевъ легкомысленнаго заключенія браковъ и той маловажности, которую стали придавать брачному союзу, служатъ вошедшіе въ обычай разводы, часто изъ за самыхъ ничтожныхъ причинъ, а также вступленіе въ новый бракъ вслѣдъ за расторженіемъ прежняго. Сенека пишетъ: „Красивѣе ли еще какая-либо женщина отъ стыда предъ разводомъ, когда уже нѣсколько знатныхъ и именитыхъ женщинъ ведутъ счетъ своимъ лѣтамъ не по числу консуловъ, а по числу своихъ мужей, оставляютъ домъ лишь для заключенія новаго брака и выходятъ замужъ, имѣя въ виду разводъ“ (Sen. de ben. I, 9. III, 16. Juven. VI, 223. Schol. ad Juv. VI, 434. Plaut. Merc. IV, 1, 6, sqq; Amph. III, 7, 47. Cic. ad Fam. VIII, 7, 2, ad Att. XI, 23, 3; pro Bluent. 5, 12, sqq. Sueton. Tib. 11; Mart. IV, 7; 141). По словамъ Ювенала, многія новобрачны покидали домъ своихъ супруговъ, чтобы вступить въ новый бракъ еще прежде чѣмъ вѣнныя и цвѣты, которыми были украшены двери въ день свадьбы, успѣли завянуть; не одной изъ нихъ случалось имѣть по восьми супруговъ въ теченіе пяти лѣтъ. Отраднo поэтому вслѣдъ за изучающему состояніе римскаго общества во времена императоровъ, встрѣчать надгробныя надписи, сохранившіяся отъ этой

эпохи, которая съ похвалою упоминають о томъ, что похороненная жена имѣла лишь одного мужа (Suet. Caesar 6, 50; Oct. 62, 63; Calig 25; Claud. 26; Nero, 35.—Plut. Pomp. 9. Sull. 6, 33; Cic. 41.—Dio Cass. LVI, 18.—Val. Max. VI, 3, 10—12.—Plaut. Merc. IV, 1, 6 sqq. Amph. III, 2, 47. Cic. ad Fam. VIII, 7, 2; ad Att. XI, 23, 3; pro Cluent. 5, 12sqq. Suet. Tib. 11.—Juven. VI, 223, sqq. Mart. VI, 7; X, 41. Sen. de ben. I, 9; III, 16.—O matrona „univira“ ср. Orelli, 2742; 4530. Jnscrip. 14 Bull. Nap. 1861. pag. 18. Propert. IV, 11, 36). По нимъ мы заключаемъ, что и въ эпоху величайшаго разврата все еще проявлялось чувство нравственности. У Тацита находимъ мы примѣры рѣдкаго благородства и великодушія женщинъ, которыя добровольно и съ самоотверженіемъ раздѣляли тяжкую участь своихъ мужей и родственниковъ и смертью доказывали имъ свою преданность. О благотворномъ вліяніи женщинъ свидѣтельствуетъ и младшій Плиній, жившій въ I-мъ столѣтіи по Р. Хр. (Plin. ep. IV, 19. Stat. Silv. III, 3, 65).

Перейдемъ теперь къ спеціальной части нашего разсужденія,—къ болѣе подробному разсмотрѣнію жизни древней Римлянки отъ колибели до гроба. Постараемся сообщить одно за другимъ важнѣйшія свѣдѣнія о дѣтствѣ, воспитаніи, обрученіи, свадьбѣ, разводѣ, смерти и погребеніи Римлянки; объ ея одеждѣ, жизни на водахъ, туалетныхъ принадлежностяхъ, драгоценностяхъ, мужской и женской прислугѣ, врачахъ, каретахъ, носилкахъ, пирахъ, занятіяхъ науками и художествами, зрѣлищахъ, гуляньяхъ и другихъ увеселеніяхъ.

Не смотря на строгое право власти (*patria potestas*), которое принадлежало отцу семейства (*paterfamilias*) надъ всѣми его членами, и по которому онъ располагалъ жизнью и смертью своихъ дѣтей, нельзя не признать, что семейная жизнь у Римлянъ была болѣе развита, чѣмъ у Грековъ. Причиною тому было именно болѣе почетное положеніе римской женщины. Но тѣмъ не менѣе для всякаго римскаго дитяти день рожденія былъ крайне опасенъ вслѣдствіе упомянутой отеческой власти. Повитуха приносила къ отцу ребенка, клала его передъ нимъ, и только если отецъ поднималъ его съ пола, считался онъ законнорожденнымъ (Plaut. Amph. I, 3, 3; Ter. Andr. 1, 3, 14.—Sen., Ep. 9, 14. Plin. Pan. 26; Hor. Sat. II, 5, 45; Ovid. Met. IX, 698; Juven. 9, 84). По исполненіи этого обряда, ребенка присвоиваемо было до пяти боговъ-хранителей или богинь-хранительницъ. Уже самый обрядъ поднятія дитяти съ пола находился подъ покровомъ богини Леваны (Augustin de civ. dei IV, 11. „*Levana, quae levat infantes de terra*“).

Къ ней присоединялись богини колыбелей, ѣды и даже перваго крика, какъ перваго знака жизни. Мальчики на 9-мъ, а дѣвушки на 8-мъ днѣ по рожденіи подвергались такъ называемой *lustratio*. (Sueton, Cal. 25; Nер. 6.—Macrob. Sat. I, 16, 36 pag. 142. Jan. Persius, 2, 31.—Plutarch, Qu. Rom. 102, Cfr. Ter., Phormio I, 1, 15, „initiare“). Обрядъ этотъ замѣнялъ наше крещеніе. Въ этотъ день ребенку давали имя и первые подарки отъ родителей и родственниковъ. Подарки обыкновенно состояли изъ металлическихъ вещицъ, которыя привѣшивались дѣтямъ на шею, дабы они развлекались, гремя ими (Plaut. Epid. V, 1, 33 sqq). Вскорѣ затѣмъ дѣтямъ привѣшивали для огражденія отъ порчи лошадиные или кабаньи клыки; (Plin. XXVIII, 19, 78; XI, 28, 34; Varro, L. L. VI, 5; Agron. IV, 7);—доказательство, что римскія матери относительно суевѣрія нисколько не уступали нашимъ. Если новорожденный ребенокъ былъ женскаго пола, то матери и няньки возсылали теплыя молитвы къ богамъ о дарованіи ему красоты (Juv. 10, 289). Съ развитіемъ бюрократизма въ императорскій періодъ, всѣ дѣти, немедленно послѣ обряда *lustratio*, записывались въ публичные списки новорожденныхъ, и уже только затѣмъ было предоставляемо на волю родителей объявить въ вѣдомостахъ (*acta urbana*) о рожденіи дитяти. Со временъ Юлія Цезаря у Римлянъ имѣлись уже разнаго рода газеты, напримѣръ: *acta diurna* или *publica*, то-есть, правительственный вѣстникъ, *acta senatus* или *patrum*, также и нѣчто въ родѣ судебного вѣстника, въ которомъ печатались всѣ рѣчи, произнесенныя въ Сенатѣ и проч. (Juvен. 9, 84; 2, 136; Seneca, de sen. III, 16. Tacit. Ann. XIII, 81; Plin. VIII, 40, 61; Cic. ad Attic. VI, 2; Plin. II, 56, 57; Cfr. Zell, über die Zeitungen der alten Römer. Heidelberg, 1873. Schmidt Zeitchr. f. Geschichtswissensch. I, Berlin 1844, pag. 352). Здѣсь же встрѣчались, какъ и въ наше время, объявленія, относящіяся къ событіямъ семейной жизни, объявленія о вызовѣ къ суду, о состоявшихся приговорахъ и т. п. „Вѣдомостями“ римскій народъ оповѣщался также о всѣхъ зрѣлищахъ, увеселеніяхъ и о цѣнахъ на рынкѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ не рѣдко можно было прочесть объявленія слѣдующаго содержания: „Обрученіе Цезаря и Корнеліи симъ публично объявляется“; или же: „съ помощью милосердной Юноны сегодня родилась Туллія, дочь такого-то“...

Девятидневной дѣвочкѣ отецъ семейства въ присутствіи нѣсколькихъ свидѣтелей, вслѣдъ за исполненіемъ обряда *lustratio*, выдавалъ особый о томъ документъ, называвшійся *instrumentum lustrationis*,

документъ особенно важный въ послѣдствіи, въ виду брака (Appul. Apol. 89, p. 507. Cud.—Serv. ad Verg. Geo. II, 502). Кормленіе дѣтей грудью въ прежнія времена лежало на обязанности самихъ матерей, въ послѣдствіи же, по изнѣженности, онѣ отказывались отъ исполненія этого долга; ребенка отдавали кормилицѣ (nutrix).

По минованіи годовъ перваго дѣтства, наступали годы обученія. Прежде всего дѣвушки обучались женскимъ работамъ — пряжѣ и тканью; съ наукою дочери лицъ высшихъ сословій знакомились, вѣроятно, дома, хотя и существовали частныя женскія школы. Лишь бѣдные родители посылали дѣтей своихъ ежедневно къ школьному учителю. Въ древнемъ Римѣ, какъ извѣстно, правительство нисколько не заботилось о воспитаніи дѣтей (Cic. De rep. IV, 3, 3). Въ школу дѣвухекъ провожали ихъ кормилицы, а мальчиковъ—воспитатели (paedagogus); и тѣ и другіе обыкновенно оставались тамъ все время до окончанія уроковъ (Liv. III, 44, 7. Appian. B. C. IV, 30). Въ начальныхъ училищахъ дѣти прежде всего изучали такъ называемыя elementa, то-есть чтеніе и письмо (Cic. ad Qu. fr. III, 14, Hor. Ep. I, 18, 13; II, 1, 69 Pers. 1, 29. Quinct. I, 1, 15; 26. Hor. Sat. I, 1, 25). У Римлянъ дѣти учились читать по слогамъ, у Грековъ же по отдѣльнымъ буквамъ (Quinct. I, 1, 15; V, 14, 31; I, 1, 27; I, 1, 34—36. Sen. ep. 94, 51. Vopisc Tac. 6). Для письма употреблялись навощенныя доски, а считать учили по пальцамъ, выдѣлывая ими разныя знаки, имѣвшіе особое арифметическое значеніе, или-же на навощенной доскѣ, раздѣленной линіями, между которыми вѣдлись камешки по опредѣленнымъ правиламъ (Plin. VII, 27, 7 sqq. Ovid. A. A. I, 437.—Juven. X, 249. Plin. XXXIV, 7, 16 Cic. ad Attic. V, 21, 13. Cp. Jahns Jahrb XV Suppl. bd. 1849. pag 511 ff.). Письменныя принадлежности и книги приносились въ школу дочерямъ болѣе знатныхъ родителей рабами, дѣти же бѣдныхъ сами брали ихъ съ собою. Обыкновенно преподаваніемъ занимался въ каждой школѣ лишь одинъ учитель, иногда, впрочемъ, имѣвшій при себѣ помощника. Гуманность этихъ *ludi magistri* не особенно славилась; Горацій еще на старости лѣтъ вспоминалъ недоброжелательно о своемъ учителѣ, Орбиніи, всегда готовомъ мучить учениковъ. Вообще стебель шильника (*ferula communis*), замѣнявшій нынѣшнюю трость, игралъ въ школѣ большую роль (Mart. IX, 68, X, 62, 10; XIV, 80, 1. Hor. Ep. II, 1, 70. Sueton., de gramm. 9. Juv. I, 15).—Уроки начинались утромъ весьма рано; въ нѣкоторыхъ школахъ ученики распредѣлялись по различнымъ классамъ. Въ праздники Сатурналій (въ декабрѣ) и Квинкватрій (въ мартѣ)

въ школахъ были 3 и 5-дневныя вакаціи. Деньги за обученіе платились разъ въ годъ, по окончаніи курса; плата эта въ элементарныхъ школахъ была весьма незначительна. Выпускъ изъ элементарныхъ школъ происходилъ по желанію родителей. Мальчики обыкновенно выходили оттуда въ возрастъ отъ 14 до 16 лѣтъ и поступали затѣмъ въ школы грамматиковъ (Cic. Tusc. II, 4,12; Suet. de gramm. 4. Aul. Gell. XVI, 6 in. Quinct. I, 2,14; IV, 2; IV, 8), или же въ высшія училища ораторовъ (rhetorum) (Apulei. Floril. IV n. 20 pag 79, Oud. и Ovid. Trist. IV, 10,12, 27. Quinct. II, 1, 1—13), изъ которыхъ они (съ конца республики), для окончательнаго образованія, отправлялись въ Аѳины, чтобы слушать тамъ лекціи какого-либо знаменитаго философа. Дѣвѣцы, напротивъ, по выпускѣ изъ начальныхъ школъ, обыкновенно оставались безъ дальнѣйшаго воспитанія, или же получали таковое отъ домашняго учителя (paedagogus), подъ руководствомъ коего читали образцовыя сочиненія римской и греческой литературы, а главнымъ образомъ поэтическія произведенія. Греческій языкъ имѣлъ тогда такое-же важное значеніе, какъ нынѣ французскій; на немъ говорило все образованное общество. Иногда и сами матери читали съ дочерьми сочиненія Гомера и Виргилія (Capitol. Maxim. iun. 1. Tacit., Dial. 29. Quinct. I, 8, 5. Plin. Ep. II, 14,2. Hor. Ep. II, 2,41. Cic. Tusc. II, 14,2; III, 2,3. Suet. de gramm. 16. Juv. VII, 227). У дѣвицъ особенно цѣнилось знаніе музыки и танцевъ (ср. Stat. Silv. III, 3,63 sqq. Ovid. A. A. III, 315 sqq. 349 sqq); такъ одна изъ сохранившихся помпейскихъ стѣнныхъ картинъ представляетъ намъ дѣвушку въ характерномъ костюмѣ, обучающую игру на цитрѣ. Вѣроятно, Римлянки иногда выступали и публично пѣвцами; по крайней мѣрѣ намъ извѣстно, что какъ въ молитвенныя, такъ и въ праздничныя дни божествъ, трижды девять дѣвицъ изъ благородныхъ семействъ шествовали впереди процессіи и пѣли гимны (Liv., XXV, 12. XXVII, 37; XXXI, 12. Vitruv. III, 1. Macrobi. Sat. I, 6,14. Hor. Od. IV, 6,41 ff. Ovid. Trist. II, 23. Suet. Oct. 109). Но обученіе дѣвицъ музыкѣ и танцамъ встрѣчало порицателей еще въ концѣ республики. Саллюстій говоритъ о Семпроніи, соучастницѣ въ заговорѣ Катилины: „она знала греческую и римскую литературу, умѣла играть на цитрѣ и танцевать граціознѣе, чѣмъ подобаетъ цѣломудренной женщинѣ“. Такъ же и Квинтиліанъ придерживался мнѣнія, что игра на струнныхъ инструментахъ не прилична степеннымъ дѣвицамъ. Овидій же, страстный поклонникъ женщинъ, даетъ напротивъ молодымъ дѣвицамъ совѣтъ смотрѣть на музыкальное

образование какъ на необходимое приданое; многія, говоритъ онъ, достали себѣ супруга не миловидностью, а пѣніемъ (Ovid. A. A. III, 315 sqq 349 sqq). Изъ сочиненій стихотворца Стация мы узнаемъ, что Римлянки иногда даже сами сочиняли пѣсни. Упомянутый стихотворецъ восхваляетъ дочь свою слѣдующими словами: „Несомнѣнно она заслуживаетъ найти супруга, какъ по умственнымъ своимъ дарамъ, такъ и по красотѣ; пусть же, съ лирою въ рукахъ, извлекаетъ она изъ ея струнъ пріятные звуки, или же, обращаясь къ музамъ, сочиняетъ музыку на стихи отца; пусть, граціозно тапцую, показываетъ бѣлоснѣжныя свои руки и плечи“ (Stat. Silv. III, 3,65). Римскіе танцы впрочемъ никакъ нельзя сравнивать съ легкими танцами нашего времени, исполняемыми дамою съ мужчиной; болѣе сходства имѣли они съ нашими народными танцами; искусство танцующихъ состояло преимущественно въ рѣзкомъ движеніи верхней части тѣла и рукъ. Что тогдашніе танцы обнаруживали большое вліяніе на граціозность походки и осанки женщинъ,—это не подлежитъ никакому сомнѣнію. (Quinct. IX, 4.7.

Перейдемъ теперь къ самому важному для каждой матери предмету, — бракосочетанію дочерей. Въ этомъ отношеніи древніи Римлянки нисколько не отличались отъ тенерешнихъ дамъ. Болѣе всего заботились онѣ о томъ, какъ бы поскорѣе выдать дочерей замужъ, а не о томъ, чтобы бракъ обезпечилъ имъ счастливую будущность (Nep. Att. 19. Suet. Oct. 34; Tib. 67; Claud. 27. Dio Cass. LIV, 16; LVIII, 11. Tac. Ann. XII, 3. Dig. XXIII, 1, 14). Хотя и существовалъ законъ, требовавшій для вступленія въ бракъ совершеннолѣтія, то-есть, двѣнадцатилѣтняго возраста (Dig. XXIII, 2, 4. Tertull. de virg. vet. 11. Mommsen, Corp. I. Rh. № 1603); по многимъ срокъ этотъ казался долгимъ и были случаи, что дѣвушки выходили замужъ на одиннадцатомъ и даже на десятомъ году отъ роду. По законными супругами онѣ признавались лишь по достиженіи ими двѣнадцатилѣтняго возраста. Такъ Октавія, дочь Клавдія и Мессалины, была обручена съ одиннадцатилѣтнимъ Нерономъ на седьмомъ, а вышла за него замужъ на одиннадцатомъ году. Изъ надгробныхъ надписей двухъ замужнихъ Римлянокъ мы усматриваемъ, что одна изъ нихъ умерла имѣя 22 года отъ роду, проживъ въ бракѣ 12 лѣтъ и 30 дней, слѣдовательно, вышла замужъ будучи десяти лѣтъ; другой же, въ день ея кончины, минуло 11 лѣтъ 1 мѣсяцъ и 26 дней. Тѣмъ не менѣе можно принять общимъ правиломъ, что дочери высшихъ сословій вступали въ бракъ лишь по достиженіи двѣнадцатилѣтняго возраста,

дочери же среднихъ и низшихъ сословій между 18 и 17 годами отъ роду. Замужняя же женщина, достигшая двадцати лѣтъ и не имѣвшая дѣтей, подвергалась уже штрафамъ, установленнымъ Августомъ за безплодіе (Liv. Ep. LIV. Suet. Oct. 89. Gell. I, 6, 6. Dio Cass. LIV, 16; LVI, 1. Hor. Carm. Saec. 17 sqq. Suet. Oct. 34. Tac. Ann. III, 25 etc.). Изъ упомянутаго закона видно, что для дѣвицъ 19-ти-лѣтній возрастъ считался крайнимъ предѣломъ выхода замужъ. Но съ другой стороны и безбрачіе мужчинъ съ самыхъ древнихъ временъ считалось поводомъ къ наказанію: холостяки должны были платить штрафъ; въ родѣ Фабіевъ (gens Fabia) существовалъ даже на этотъ счетъ особый семейный законъ (Dion. Halic. IX, 22. Val. Max. II, 9, 1. Paul. Dias. v. uxoriginus pag. 379, M.). Цензоры обязаны были слѣдить за тѣмъ, чтобы возрастала численность народонаселенія, и до насъ дошло нѣсколько рѣчей, съ которыми обращались они къ народу, настоятельно рекомендуя ему брачную жизнь. (Liv. Epit. LIX. Cic. de leg. III, 3, 7. Dio Cass. LII, 21. Plut. Camib. 2; Cat. mai. 16. Gell. I, 6, 6; IV, 20. Sueton. Octav. 89. Dio Cass. LVI, 3, 4, 6). Тѣмъ не менѣе, со временъ междоусобныхъ войнъ и вслѣдствіе возраставшаго разврата, число холостяковъ значительно увеличивалось; уже во времена Ювенала спрашивали человѣка, предполагавшаго жениться: „Постумъ, ты берешь себѣ жену? Несомнѣнно ты не въ здравомъ разсудкѣ!“ Претензіи дѣвицъ, особенно знатныхъ, уже во времена Плавта были такъ велики, что, дѣйствительно, можно было потерять всякую охоту жениться. Если жена приносила мужу большое приданое, то положеніе его въ домѣ становилось крайне не завидно (Liv. XLV, 15. Suet. Caes. 20; Oct. 14. Tac. Ann. II, 51; XV, 119. Plin. Ep. VII, 16, 2. Gell. II, 15; V, 19. Dio Cass. XXXVIII, 1—7; XLII, 25; LX, 24. Mart. V, 41. Appian. B. C. II, 10. Dig. IV, 4, 2. Schol. ad Juv. 9, 90. Cic. pro Marc. 8, 23). Съ цѣлью поощрять браки, Цезарь назначалъ вступающимъ въ нихъ преміи; Августъ издалъ строгіе законы противъ безбрачія; позднѣе, при замѣщеніи должностей, даваемо было предпочтеніе тѣмъ, которые имѣли по трое и болѣе дѣтей; они были освобождаемы отъ извѣстныхъ налоговъ.

Обратимся однако къ тому, о чемъ начали говорить. Хотя и требовалось согласіе дочери на вступленіе въ бракъ, но не подлежить сомнѣнію, что вслѣдствіе весьма юнаго ихъ возраста, дѣло это устранивалось лишь по взаимному соглашенію между родителями. Это видно, между прочимъ, изъ одного письма Плинія, начинающагося слѣдую-

щими словами: „Ты просишь меня выбрать для твоей дочери супруга“. Что при выборѣ супруга для дочерей хорошихъ фамилій обращалось вниманіе на общественное и имущественное положеніе жениха, объ этомъ свидѣлствуютъ Горацій и Ювеналъ. Родители часто помолвливали дочерей своихъ даже въ первые годы ихъ жизни за малолѣтнихъ еще мальчиковъ. Такъ Винсанія Агриппина, дочь Агриппы и Помпонія, уже на первомъ году отъ роду была помолвлена за Тиберія. Переговоры въ большинствѣ случаевъ происходили чрезъ посредниковъ, а сами молодые люди рѣдко просили руку избранныхъ ими дѣвицъ; въ такомъ случаѣ они никогда не обращались къ самой дѣвицѣ, но всегда къ ея родителямъ или опекунамъ. Вообще новѣсты ознакомились съ своими женихами только предъ самымъ бракосочетаніемъ. Сенека сообщаетъ намъ, что „женихъ покупалъ все приданое, одну только невѣсту ему не показывали, чтобы онъ не замѣтилъ въ ней какихъ-либо недостатковъ, пока еще не сочетался съ нею бракомъ. Вспыльчива ли она, или болтлива, глупа, безобразна, некрасива и проч., все это мы узнаемъ лишь послѣ свадьбы“ (Sueton. Caes. 1. Nepos Att. 19. Dig. XXIII, 1, 14. Dio Cass. LIV, 16. „Spondesne filians?“ Plaut. Ant. II, 2, 77; Trin. II, 4, 98; V, 2, 33 sqq. Curs. V, 2, 74. Poen. V, 3, 36 sqq. Varro, L. L. VI, 69—72. Plut. Cato mai. 24). Поэтому, ни у Грековъ, ни у Римлянъ не существовало тѣхъ сердечныхъ отношеній между женихомъ и невѣстою, которыя, въ наше время, устанавливаются между молодыми людьми немедленно за ихъ помолвкой.

Обрядъ обрученія состоялъ въ слѣдующемъ: женихъ въ знакъ вѣрности дарилъ невѣстѣ желѣзное кольцо безъ всякаго украшенія, но самъ кольца не получалъ. При этомъ происходили переговоры о количествѣ приданого и о времени уплаты онаго. Затѣмъ женихъ посылалъ невѣстѣ разные подарки, напримѣръ, браслеты, платья, жемчугъ, головныя сѣтки и т. п., а она отдаривала его въ свою очередь. Если впоследствии одна изъ сторонъ отказывалась отъ брака, то подарки уже не возвращались. Вообще же обрученіе нисколько не связывало помолвленныхъ (Cod. Just. V, 1, 1. Juv. 6, 200. Apuleius, Apol. 68, p. 541. Oud. Dig. L, 16, 101 gr. 1, 191. Ter. Phorm. IV, 8, 72. Suet. Caes. 21; Oct. 62. Tac. Ann. 12, 3, 9); но пока оно существовало, невѣрность считалась равною нарушенію супружескаго долга. Въ древнѣйшія времена та сторона, которая безъ причины отказывалась отъ брака, подвергалась даже судебному преслѣдованію (Suet. Tib. 11. Dig. XXIV, 3, 3. Cic. ad Att. I, 13, 3; XI, 23, 3;

de Or. I, 40, 183. Top. 4, 19. Tac. III, 22. Tertull. Apol. 6). Обрядъ обрученія назывался sponsalia (Dig. XVI, 325. Cod. Just. V, 1—3; 71, 3. Juven. 6, 27. Plin. 31, 1, 4 gr. 12. Isidor. IX, 7, 6; XIX, 32, 4. Plin. XXIII, 1. 6. Ter. Eun. III, 4, 3. Gell. IV, 4. Liv. XXXVIII, 57. Suet. Oct. 53), и день, назначенный для него, праздновался торжественнымъ пиромъ. Затѣмъ заготовлялось приданое, свадебный нарядъ, родственники занимались убранствомъ квартиры будущей четы, выборомъ прислуги, которая должна была провожать молодую въ домъ мужа. Расходы у богатыхъ были очень велики. Но вотъ приближается день свадьбы: дѣвица относитъ свои игрушки и куклы въ храмъ Венеры; она надѣваетъ свадебный нарядъ, главною принадлежностью коего былъ четырехугольный, огненного цвѣта, головной платокъ, концы котораго висѣли съ обѣихъ сторонъ, не закрывая лица (Claud. VI. Cons. Hon. 523. Juv. 2, 132. Apul. Met. IV, 26, pag. 394, Oud. О „dos. и tabulae nuptiales“ см. Apul. Apol. 67, 88, pag. 540 и 574, Oud. Cod. Just. V, 4, 9, sqq. Tertull. ad uxorem II, 3. Isid. Orig. IX, 5, 8; de eccles. off. II, 20, 10. Dig. XXIII, 4, 29; XXIV, 1, 66.). Друзья, родственники и свидѣтели, собравшіеся уже рано утромъ въ обоехъ домахъ, празднично-разукрашенныхъ коврами, вѣнками и зеленью, приступаютъ къ подписанію брачнаго контракта. Контрактъ этотъ составлялся въ трехъ видахъ, такъ какъ у Римлянъ существовали три разные формы законнаго бракосочетанія, а именно: *confarreatio*, *coemptio* и *usus*. Слѣдуетъ тутъ также упомянуть, что Римляне различали *matrimonium legitimum* или *iustum* отъ *matrimonium iniustum*. Въ древнія времена законнымъ бракомъ могли сочетаться лишь лица, принадлежавшія къ одному и тому же сословію, патрицій съ дочерью патриція же, а плебей съ дочерью плебея,—но это постановленіе было отмѣнено еще въ 309 г. до Р. Хр. закономъ Канулея (*lex Canuleia*). *Matrimonium iniustum*, напротивъ, назывался такой бракъ, который съ моральной точки зрѣнія былъ не менѣе дѣйствителенъ и приличенъ, какъ и бракъ законный, но не соответствовалъ какимъ-либо постановленіямъ римскаго гражданскаго права. Посему, бракъ между патриціями и плебеями или бракъ между римскими гражданами и чужеземцами, хотя и былъ признаваемъ дѣйствительнымъ, все-таки считался незаконно заключеннымъ (*matrimonium iniustum*). *Matrimonium iustum* могъ быть двоякаго рода, а именно съ *conventio in manum viri* или безъ онаго. Болѣе строгая форма римскаго брака была сопряжена всегда съ *conventio in manum viri*, то-есть, жена совершенно остав-

для семейство отца и переходила въ семейство мужа, въ которомъ занимала положеніе дочери (*filia*), такъ что мужъ прибрѣталъ надъ нею нѣчто въ родѣ отеческой власти (*patria potestas*). Такимъ образомъ слово *manus*, употребляемое относительно брачнаго союза, означаетъ то же самое, что слово *patria potestas*. Этотъ законно совершенный бракъ съ переходомъ жены во власть мужа (*matrimonium iustum съ conventio in manus*) могъ быть заключаемъ, какъ выше упомянуто, тройкимъ образомъ (Plin. XVIII, 3, 3 gr. 10. Tacit. Ann. IV, 16 *in*scr. Orelli 2648. Gai. I, 112. Ulpian. IX, 1. Serv. ad Verg. Aen. IV, 104; 374. и Georg. I, 31. Dion. Hal. II, 25). Первая форма называлась *confarreatio*; тутъ бракосочетаніе совершалось самымъ торжественнымъ образомъ. Оно происходило въ присутствіи десяти свидѣтелей, верховнаго жреца (*pontifex maximus*) и жреца храма Юпитера (*flamen Dialis*). Для совершенія такого брака невеста, въ сопровожденіи родственниковъ, знакомыхъ и подругъ (которыми у Римлянъ, впрочемъ, всегда были замужнія женщины и назывались *propinae*), подъ покровительствомъ богини Юноны, которая въ этомъ случаѣ именовалась *Juno Domitica* или *Iterduca*, то-есть Юнопа, сопровождающая невесту въ новый домъ, обыкновенно вечеромъ, при факелахъ, переходила изъ родительскаго дома въ жилище жениха. Въ свадебномъ corteжѣ находился и такъ называвшійся *puer Camillus*, то-есть слуга жреца храма Юпитера (*flamen Dialis*), который несъ прядильныя принадлежности. (Plin. VIII, 48, 74, gr. 194. Plut. Qu. Rom. 31. Mart. I, 35, 6, 7; III, 93, 25; XII, 42, 4; XII, 95, 5. Serv. ad Verg. Aen. I, 651. Plut. Pomp. 4; Qu. Rom. 31. Mart. XII, 42, 4. Liv. I, 9, 12. Plut. Rom. 15. Catull. 61, 134). Во время шествія пѣли *talassio*, подъ акомпаниментъ флейты. По прибытіи невесты къ дому жениха, она обыкновенно украшала его шерстяными лентами и натирала его мазью или свинымъ саломъ.

Затѣмъ ее поднимали на руки и переносили чрезъ порогъ дома (Donat. ad Ter. Nec. I, 2, 60. Serv. ad Verg. IV. 458. Isid. IX, 7, 12. Lucan. II, 355. Plut. Qu. Rom. 31. Plin. XXVIII, 9, 37. gr. 142. Plaut. Cass. III, 4, 1. Catull. 61, 166 sqq. Lucan. II, 358. Isidor. IX, 7, 12. Plut. Qu. Rom. 29. Cic. *de*div. II, 40 *extr.* Ovid. Met. X, 452; Trist. I, 3, 55. Tibull. I, 3, 20. Plin. II, 7, 5 gr. 24. Val. Max. I, 4. Plut. Tib. Gracchus, 17), вѣроятно, въ воспоминаніе о похищеніи Сабинянокъ (*raptus Sabina-rum*). Впрочемъ, обычай этотъ основывался, можетъ быть, и на суевѣріи, что споткнуться о порогъ предвѣщало бѣдствіе. Вступивъ въ домъ жениха, невеста пріивѣтствовала своего возлюбленнаго слѣдую-

щими символическими словами: *Ubi tu Gajus, ego Gaja*, то-есть, „гдѣ ты, Гай, тамъ я, Гая“. (Quinct. I, 7, 38. P. Diac. in v. „Gaius“ pag. 95 sqq). Женихъ, съ своей стороны, встрѣчалъ невѣсту съ огнемъ и водою, и она обязана была дотронуться до нихъ, показывая этимъ, что они составляютъ самыя необходимыя условія счастливаго брака и вообще всей жизни (Varro L. L. V, 67. Ovid. Fast. IV, 790 sqq. Stat. Silv. I, 2, 5 sq. Dig. XXIV, 1, 66. P. Diac. pag. 87, 11 M. Serv. ad Verg. Aen. IV, 103, 167. Plut. Qu. Rom. 1. Dion. Halic. II, 25). Затѣмъ приступали къ самому обряду вѣнчанія. Прежде всего авгуры (auspices) (Plin. X, 8, 9 gr. 21. Serv. ad Verg. Aen. IV, 166, 339; 56 sqq. Cic. de div. I, 16, 28. Val. Max. II, 1, 1. Tac. Aen. XI, 27; XV, 37. Suet. Claud. 26; Cic. pro Cluent. 5, 14. Lucan. II, 371), при содѣйствіи упомянутаго жреца Юпитера (*flamen Dialis*) или верховнаго священника (*pontifex maximus*), приносили богамъ жертвы. Они были облечены при этомъ двойнымъ характеромъ, во первыхъ, юридическимъ, ибо исполняли должность адвоката или публичнаго нотариуса при опредѣленіи приданаго и при установленіи брачнаго контракта, а во вторыхъ, религіознымъ, потому что на обязанности ихъ лежало развѣдать волю божествъ относительно заключаемаго брака. За принесеніемъ жертвъ, бракосочетающіеся вмѣстѣ ѣли хлѣбъ (*far*),— потому (P. Diac. pag. 88, 9. M. Serv. ad Verg. Georg. I, 31) этотъ видъ бракосочетанія и назывался *confarreatio*, держа другъ друга за руки и сядя на двухъ стульяхъ, покрытыхъ однимъ рупомъ, въ знакъ того, что хотя мужъ и жена въ домѣ и занимаютъ различное положеніе, все-таки они тѣсно соединены между собою (P. Diac. pag. 114, 17. M. Plut. Rom. 31. Serv. ad Verg. Aen. IV, 374). Въ теченіе всего обряда невѣста имѣла на себѣ желтое покрывало и на головѣ желтую сѣтку; волосы у ней были причесаны такъ, что на каждой сторонѣ лба вились три локона (P. Diac. p. 63, 6 M. Varr. L. L. IV 23; Nonius pag. 47, 25. Catull. 2, 13; 61, 63; 67, 28. Ovid. Her. 2, 116 sqq. Tertull. de Virg. Velr. 12 и de cult. fem. 7. Fest. pag. 339, 73 M. Sueton. Calig. 35. Roepert въ „Philolog. IX, pag. 264. Marquard, I, pag. 43. Propert. IV, 3, 15; 11, 34); они-то и составляли главное отличие ея отъ незамужнихъ дѣвицъ. Последнія до выхода замужъ заплетали волосы въ косу, которую по греческому обычаю прикрѣпляли на темени, такъ что спереди прическа была совершенно гладкою; невѣста же, наканунѣ свадьбы, свивала себѣ, съ каждой стороны лба, по три локона, переплетая ихъ цвѣтными перстяными лентами. Обычай этотъ сохранился даже до христіанской эпохи, по крайней мѣрѣ

еще Тертуллианъ пишетъ: „невѣсты измѣняютъ свою прическу и, прикрѣпляя на головѣ волосы роскошною булавкой, опѣ локонами, висящими на лбу, открыто заявляютъ о замужнемъ своемъ положеніи“. По исполненіи всѣхъ вышеописанныхъ формальностей, начинался свадебный пиръ, которымъ и заканчивалось празднество (Plaut. Cas. V. 2, 60 sqq. Apul. Met. X, 32 pag. 743; Met. VI, 24 pag. 426 Oud. Catull. 62, 3. Sueton. Cal. 25. Juven. 6, 202. Auson. Epist. 9, 50 sqq. Juven. 1, 78. Apul. Ap. 88 pag. 574 Oud). Императоръ Августъ пытался ограничить роскошь подобныхъ празднествъ закономъ; назначено было не тратить на нихъ болѣе чѣмъ по 1.000 сестерцій, то-есть около 50 рублей золотомъ на наши деньги. Соблюдался ли когда нибудь этотъ законъ въ точности, — неизвѣстно, но позволительно усомниться въ этомъ. Съ другой стороны, не подлежитъ сомнѣнію, что семейства, желавшія избѣжать шумныхъ празднествъ и значительныхъ расходовъ, а также отдѣлаться отъ приглашеній на пиры родственниковъ и знакомыхъ, праздновали свадьбу въ загородномъ уединеніи (Apulei. Apol. 88. pag. 574 Oud.).

Второй видъ бракосочетанія извѣстенъ подъ названіемъ *coemptio*, то-есть собственно „обюдной покупки“. *Coemptio* отличалась отъ *confarreatio* преимущественно тѣмъ, что тутъ не присутствовало высшее духовенство и не совершались религиозныя церемоніи; этотъ родъ брака нѣкоторымъ образомъ можно сравнить съ гражданскимъ бракомъ нынѣшняго времени. Во всякомъ случаѣ *coemptio* (Gaius I, 113—115. Cic. pro Flacc. 34, 84. Serv. ad Verg. Aen. IV, 103; 214. Isid. V, 24, 26. „Visne mihi mater familias esse?—Volo!“ Boethius ad Cic. Top. 3 pag. 299 Orelli. Gell. XVIII, 6) обходился гораздо дешевле, чѣмъ *confarreatio* уже вслѣдствіе того, что не былъ сопряженъ съ роскошными празднествами. Наконецъ, третья форма заключенія брака, съ переходомъ жены во власть мужа, была *usus* или давность. Если дѣвица прожила въ домѣ жениха цѣлый годъ и въ продолженіе этого срока ни разу не отлучалась болѣе чѣмъ на три дня, она считалась состоящею въ законномъ замужествѣ (Gaius, I, 109. 110, 111. Arnob. IV, 20 pag. 175 Harald. Serv. ad Verg. Georg. I, 31. Cic. pro Flacc. 34, 84. Gell. III, 2, 12. Macrob. Sat. I, 3, 9 pag. 18. Ian.).

Кромѣ означенныхъ трехъ видовъ бракосочетанія, влекшихъ за собою переходъ жены во власть мужа, у Римлянъ существовалъ еще бракъ, при которомъ жена оставалась во власти отца, сохраняя за собою полное распоряженіе своимъ имуществомъ. Въ позднѣйшее время, а именно при императорахъ, эта форма сдѣлалась общеоно-

требительною (Gai. I, 67, 80. Ulpian V, 1, 2; V, 2. Instit. I, 10. Dig. XXIII, 1, 9 sqq. Sueton. Oct. 34. Dio Cass. LVI, 16. Macrob. Somn. Scip. I, 6, 71 pag. 52. Cod. Just. V, 4, 24. Tertull. de Virg. vet. 11. Plut. Lys. et Numae comp. 4. Cic. pro Cluent. 5, 12; 6, 15).

Всѣ вышеизложенныя виды браковъ могли быть заключаемы лишь между лицами одного и того же состоянія. Если же лица, принадлежавшія къ различнымъ состояніямъ, находились въ супружескомъ сожитіи, то такое признавалось незаконнымъ бракомъ (*matrimonium iniustum*) и называлось *concupinatus*.

Но довольно о формальностяхъ римскаго брака. Посѣтимъ теперь новобрачную въ ея будуарѣ на другой день свадьбы. Она только что вышла изъ спальни въ уборную и уже поснѣшно является одна изъ невольницъ съ прижигательными щипцами и прочимъ приборомъ для завивки волосъ. На красивомъ столикѣ, подлѣ ларчика съ драгоценностями, лежатъ разноцвѣтныя повязки и зеленныя вѣтви, предназначенныя для приношенія первой жертвы на домашнемъ жертвенникѣ молодого ея супруга; этимъ обрядомъ новобрачная должна была начать свою дѣятельность какъ хозяйка дома (Macrob. Sat. I, 15, 22 pag. 129 Jan.).

Объ огромной важности, которую древнія Римлянки придавали прическѣ волосъ, свидѣтельствуемъ намъ Апулей, говоря въ одномъ изъ своихъ сочиненій: „волоса составляютъ такую величественную красоту, что женщина, украшенная золотомъ, паридными платьями, драгоценными камнями и всѣмъ прочимъ уборомъ, тогда только можетъ считаться окончательно разряженной, когда волосы ея причесаны надлежащимъ образомъ“. Знаменитый моралистъ Лукіанъ говоритъ (Luc. Amor. II pag. 440 ed. Wetsten. Böttiger, Sabina Tom. I, pag. 12): „Наибольшее искусство и болѣе всего времени расточается на убранство волосъ. Нѣкоторыя женщины, имѣющія страсть свои отъ природы черные волосы замѣнять бѣлокурными или золотистыми, красятъ ихъ разными мазями, которымъ даютъ высохнуть на полуденномъ солнцѣ и такимъ образомъ вытравляютъ ихъ черноту. Другія же, хотя и довольствуются природнымъ цвѣтомъ волосъ, расточаютъ имущество своихъ мужей на покупку драгоценныхъ духовъ, которыми умащиваютъ волосы свои до того, что, кажется, будто чувствуешь запахъ всей счастливой Аравіи (*Arabia felix*). Здѣсь нагрѣваютъ прижигательныя щипцы надъ горящими углями для завивки волосъ, не кудрявыхъ отъ природы, тамъ волосы спускаютъ по лбу почти до самыхъ бровей, чтобы по возможности уменьшить пространство для игры боговъ любви. Свади же

кудри пышными волнами висятъ внизъ по спинѣ“. Замужнимъ Римлянкамъ особенно правилось сооружать изъ кудрей на головѣ цѣлое зданіе. Волоса Виолантиллы, невѣсты стихотворца Стеллы, убрала, по увѣренію Стація сама богини любви, которая затѣмъ обратилась къ Купидону съ словами: „Посмотри на почетное украшеніе надъ высокимъ лбомъ и на зданіе локоновъ“. Подобнымъ же образомъ выражается и Ювеналъ: „ряды локоновъ на головѣ громоздятся одинъ надъ другимъ въ видѣ высокой башни“. (Tertul. de cult. fem. 7. Juven. 6, 294 Stat. silv. I, 2, 114. Petron. 110. Ovid. A. A. III, 133—168. Varro, L. L. VII. 44. Fest. pag. 355, 29 M.—Tertull. de pall. 4. Orelli 62 85).

Какъ перемѣнчива и непостоянна была мода, это мы лучше всего узнаемъ изъ слѣдующихъ словъ Овидія: „ты не въ состояніи перечестъ ни листьевъ на пышномъ дубу, ни пчелъ на лугу, ни звѣрей на вершинахъ горъ; такъ и мнѣ не счесть локоновъ головного убора“. Тотъ же стихотворецъ совѣтовалъ при помощи зеркала избрать себѣ уборъ наиболѣе соотвѣтствующій стану и чертамъ лица. „Къ продолговатому лицу идетъ лучше гладкая прическа, къ круглому же заключеніе волосъ назадъ въ одинъ узелъ, такъ что уши остаются неприкрытыми; одна пусть распуститъ локоны по плечамъ, другая же пусть соберетъ, по примѣру Діаны, всѣ волосы на затылкѣ“ (Ovid. l. c.). Для послѣдней цѣли служили длинныя золотыя шпильки, о которыхъ упоминаетъ Марціалъ: „Дабы намазанные помадою волосы не замарали глянцовитую шелковую матерію, слѣдуетъ шпилькой собрать локоны на головѣ“.

Римлянки охотно украшали также голову налобниками, вышитыми золотомъ, и діадемами, богато обложенными драгоценными каменьями, но все-таки главную роль играли косметическія средства, въ изобиліи изобрѣтенныя римскими парикмахерами (cinegarius, то-есть: собственно человѣкъ, который нагрѣвалъ прижигательныя щипцы). Особенно въ ходу были такъ называемыя *pileae mattiasae*, то-есть: мыльные шарики, приготовлявшіеся въ прирейнскомъ городѣ *Mattiasum*, нынѣшнемъ Висбаденѣ, о которыхъ упоминаетъ Марціалъ въ одной изъ своихъ эпиграммъ: „Если ты, старушка, желаешь красить сѣдые свои волосы, то возьми у меня ужь не уголь, а мыльные шарики изъ *Mattiasum*“. (Mart. III, 55. III, 82, 26. Hor. Od. II, 7, 8, II, 11, 16; III, 14, 17. Plin. XXIV, 12, 67 gr 110. Petron. 23. Lucian. Amov. 40. Verg. Aen. IV, 216. Tibull. III, 4, 28. Mart. XVI, 27). Ёдкость этой мази была столь значительна, что по увѣренію Плутарха кожа взду-

валась отъ нея. О вредномъ ея вліяніи на прекрасныя волосы своей возлюбленной говоритъ Овидій въ одной элегіи. Поэтому отнюдь не удивительно, что между римскими женщинами было много плѣшивыхъ, а это послужило поводомъ къ изобрѣтенію париковъ. Свѣтлыя волосы Германцевъ и Галловъ привозились при императорахъ въ большомъ количествѣ въ Римъ для изготовленія наволокъ и париковъ; объ этомъ свидѣтельствуютъ Овидій и Марціалъ во многихъ мѣстахъ ихъ сочиненій. По увѣренію Ювенала, Мессалина, отправляясь на ночныя прогулки, скрывала свои черныя волосы подъ бѣлокурныя парикомъ. (Juv. 6, 120. Lucian. Cal. 11. Tertull. de cult. fem. 7 sqq. Hor. Od. I, 5, 4; IV, 4, 4. Ovid. Fast. II, 763; V, 609. Aen. XI, 642. Serv. ad Verg. Aen. IV, 698; XII, 611. Ovid. Met. XII, 273; ex P. III, 2, 74; Met. II, 319; A. A. III, 163; Am. I, 14, 45. Lucian. Amor. 40. Val. Max. II, 1, 5. Plin. XXIII, 2, 32 gr 67. Mart. V, 68; VI, 12, 1; XII, 28, 1; IX, 37, 2. Juv. 6, 120. Mart. XIV, 26; Plin. XXVIII 12, 51, gr. 191). Овидій сообщаетъ намъ, гдѣ именно находились главные магазины парикмахеровъ — „Римлянки, говоритъ онъ, вовсе не стѣснялись покупать этотъ предметъ туалета совершенно публично. Его выставляли на продажу предъ самыми глазами Геркулеса и хора дѣвицъ“, то-есть: предъ храмомъ обожаемаго вмѣстѣ съ музами Геркулеса, находившемся на Марсовомъ полѣ вблизи Фламининскаго цирка. Дѣло дошло до того, что даже къ головѣ портретныхъ статуй придѣлывались мраморныя парики, которые отъ времени до времени, соотвѣтственно модѣ, замѣнялись другими.

Слѣдуетъ еще упомянуть, что римскія дамы надѣвали на голову сѣтку съ цѣлю сохранить прическу. Сѣтки эти часто были изъ шелка, а иногда, какъ напримѣръ, у супруги Трималхія, даже изъ золотыхъ нитокъ.

Необычайная заботливость о причeskѣ возвышала положеніе занимавшихся ею невольниковъ и невольницъ, а часто причиняла имъ много горя, если госпожа была не въ духѣ. Древніе писатели передаютъ намъ много сценъ, въ которыхъ римскія дамы, во время своего туалета, увлекались неистовымъ гнѣвомъ. Ювеналъ въ 6-й сатирѣ приводитъ слѣдующія слова одной изъ нихъ: „Зачѣмъ здѣсь локоть выдается слишкомъ высоко? Пусть бычачій ремень тотчасъ же накажетъ тебя за преступное нерадѣніе къ завивкѣ волосъ“. (Juv. 6, 491. Mart. XIV, 68. Sen. ep. 67, 3; de ira III, 19, 1. Quinct. Decl. 19 sqq. Cic. ad Fam. VIII, 15 extr.) Все, что попадало разъяренной госпожѣ подъ руку, превращалось въ орудіе для наказанія. Особенно удобно было му-

чить несчастныхъ невольницъ остроконечными шпильками, длиною въ нѣсколько дюймовъ, употреблявшимися для прикрѣпленія волосъ на головѣ. Часто случалось, что госпожа прокалывала ими руку или грудь дѣвушки, занимавшейся уборкою ея волосъ; иногда и самое зеркало, которое обнаруживало ошибку дрожащей дѣвушки, разбивалось объ ея голову. Такую именно сцену описываетъ знаменитый римскій поэтъ въ стихотвореніи, посвященномъ Лалаге, къ которой обращается съ слѣдующими словами: „Гляди, изъ завитыхъ волосъ одинъ лишь маленький локонъ ускользнулъ отъ шпильки, собравшей всѣ кудри въ пучекъ. Замѣтивъ это, Лалаге бросаетъ зеркало въ дѣвушку, бьетъ и рветъ ее за волосы, пока та не падетъ на землю“. По все же считалось милостью, если бѣдная невольница получала наказаніе только отъ рукъ своей повелительницы; ужаснѣе была ея участь, когда исполненіе его поручаемо было обученной для того невольницѣ. Несчастную привязывали къ столбу и наносили ей удары кожаными ремнями по обнаженной спинѣ, до тѣхъ поръ, пока госпожа не произнесла: „довольно“, или „ступай“ (Galen. Vol. V, pag. 17 sqq. 584. К).

Но перестанемъ говорить объ этихъ отвратительныхъ сценахъ, а займемся далѣе туалетомъ знатной Римлянки. Необходимую принадлежностью его служили между прочимъ разныя мази, бѣлила, румяны и другія туалетныя краски. Особенно славилась мазь, приготовлявшаяся въ Аттікѣ. Ее вываривали изъ жирной шерсти тамошнихъ овецъ. Со временъ же Нерона вошло въ обычай обкладываться на ночь лицо тѣстомъ; объ этихъ маскахъ изъ тѣста Ювеналь дѣлаетъ язвительное замѣчаніе, что онѣ оставляли всякаго въ сомнѣніи, не прикрываемъ ли былъ ими какой-нибудь царь (Juven. 6, 462 sqq. Lucian Amor. 39). На утро тѣсто смывали ослинымъ молокомъ. Для этого Пoppея постоянно держала не менѣе 500 дойныхъ ослицъ (Plin. XI, 41, 96 gr. 237 sqq. XXVIII, 12, 50 gr. 183. Juv. 6, 468). Даже многіе мужчины употребляли тѣсто и ослиное молоко. Кроме того, прибѣгали къ мыльнымъ шарикамъ и разнымъ косметическимъ эссенціямъ, чтобы сдѣлать кожу гладкою и лоснящеюся; нѣкоторыя изъ нихъ, по увѣренію Плинія, стоили около 120 рублей за фунтъ (Plin. XXII, 25, 74 gr. 156; XXIV, 7, 28 gr. 43; XXXI, 7, 42 gr. 92. 9, 45 gr. 105; XXVIII, 12, 50 gr. 184. XXXIV, 18, 54 gr. 175. Mart. II, 29, 9; VIII, 33, 22; X, 32. Ovid. Am. III, 202. Plin. XXIX, 6, 38 gr. 126; XXX, II, 30 gr. 404). Римскіе парикмахеры относительно изобрѣтательности нисколько не уступали лучшимъ парижскимъ парикмахерамъ нашего времени, а вѣроятно даже много превосходили ихъ.

Вымытое такимъ образомъ лицо поступало въ распоряженіе особой невольницы, которая должна была набѣлить и нарумянить его. Но прежде чѣмъ приступить къ этой операци, она съ раннего утра жевала особо приготовленные благовонные шарики (*pastilli*). Это потому, что на лицо краску слѣдовало натирать слюнами, иначе не на долго сохранялись бы гладкость и лоскъ кожи. (Plin. XXVI, 10, 66 gr. 103; XIII, 25, 48 gr. 135; XXII, 2, 3 gr. 3. Hor. ep. I, 10, 27. Quinct. XII, 10, 75. Plaut. Most. I, 3, 118. Propert. II, 18, 31. Hor. Sat. I. 2, 83. Plaut. Most. I, 3, 104. Truc. II, 2, 35. Tertull. de alt. fem. II, 7. Hor. Ep. XII, 10. Mart. II, 41, 11; VI, 93, 9; VIII, 33, 17; VII, 25, 2. Hor. Sat. I, 2, 27; I, 4, 92. Petron. 131. Plin. XVIII, 4, 7 gr. 35, 7, 22 gr. 76. Cic. de Fin. II, 7, 22; Mart. XIV, 78. Plin. XXXIV, 17, 48 gr. 160. Mart. IX, 17, 5). Коробочки, раковины и всѣ другія подобныя принадлежности укладывались въ особый ларчикъ (*parthesium*), сдѣланный изъ слоновой кости или горнаго хрусталя, и составлявшій драгоценный предметъ женскаго туалета.

Въ то время какъ одна невольница раскрашивала лицо, другая, держа въ лѣвой рукѣ раковину съ черною краской, а въ другой нѣчто въ родѣ иглы или кисти, стояла возлѣ, готовясь начертить госпожѣ своей брови. Краска состояла изъ превращеннаго въ порошокъ свинца, имѣла видъ сажн, почему часто и называлась просто сажою (*fuligo*), и размачивалась водою. Какъ въ настоящее еще время на Востокѣ, такъ и у древнихъ Гречанокъ и Римлянокъ существенною принадлежностью женской красоты считались черныя брови, которыя, окаймляя глаза правильною дугою, должны были соединяться на переносѣ; какъ въ турецкихъ гаремахъ женщины ежедневно по нѣсколько часовъ заняты черненіемъ бровей и рѣсницъ особымъ порошкомъ, такъ и Римлянки операцию эту считали весьма важнымъ дѣломъ и держали именно для этого особыхъ рабынь (Plin. XXXIII, 6, 33 gr. 101; XXXV, 16, 56 gr. 194. XXIII, 4, 51 gr. 97. XXI, 19, 73 gr. 123. XI, 37, 56 gr. 154. Lucian. Amor. 39. Apal. Met. VII, 27 p. 578. Oud. Tertull. de hab. mul. 2. Juven. 2, 93 sqq. Ovid. A. A. III, 201 sqq. Martial, IX, 37, 6. Petron. 110).

Прежде чѣмъ перейти къ обзору прочихъ частей туалета римскихъ женщинъ, необходимо упомянуть еще объ одной подробности, которой придавали онѣ огромную важность, а именно о чисткѣ и обрѣзываніи ногтей на рукахъ. И для этого имѣлись особо обученныя невольницы, потому что обрѣзываніе ногтей должно было производиться съ большою ловкостью и искусствомъ. Особенное вниманіе

слѣдовало обращать на то, чтобы не образовать заусеницы и чтобы всѣ неровности ногтя были сглажены самымъ тщательнымъ образомъ. Въ этомъ отношеніи римскія женщины имѣли весьма утонченныя понятія о красотѣ. Красивый палецъ и красивый ноготь помѣщены въ числѣ тридцати красотъ, которыя Италіанецъ Giovanni Nevizano, въ пресловутомъ латинскомъ стихотвореніи, приписываетъ Еленѣ, наикрасивѣйшей изъ всѣхъ смертныхъ. Древнія Римлянки и Гречанки были, повидимому, такого же мнѣнія; онѣ были убѣждены, между прочимъ, что у Минервы наикрасивѣйшая рука, а у самой юной изъ богинь-красавицъ, у Діаны,—самые миловидные пальцы (Propert. III, 8, 6. Hor. Ep. I, 7, 52; Plut. Brut. 31. Petron. 31, Plin. XXI, 20, 83 gr. 142; XXIII, 9, 81 gr. 163. XXIV, 19, 119 gr. 182; XXVIII, 4, 8 gr. 40. XXX, 12, 37 gr. 111; XXVIII, 8, 24 gr. 88; XXII, 23, 49 gr. 101; XXIII, 2, 22 gr. 67). Красота пальца довершалась правильнымъ, совершенно гладкимъ, лоснистымъ ногтемъ свѣтло-розоваго цвѣта. Глубокій впадокъ всѣхъ подобныхъ тонкостей Овидій не упустилъ преподать и на этотъ счетъ нѣкоторыя наставленія своимъ переимчивымъ ученицамъ: „Пусть, пишетъ онъ, лишь легкимъ движеніемъ сопровождаетъ свою рѣчь красавица, если палецъ у нея толстъ, или ноготь не гладокъ“. Въ этомъ двуступишнѣмъ съ тѣмъ сдѣланъ и тонкій намекъ, почему преимущественно нужно было обращать вниманіе на красоту рукъ, пальцевъ и ногтей. Южно-европейскіе народы и теперь еще, какъ въ древности, сопровождаютъ рѣчь свою выразительными жестами и движеніями рукъ и пальцевъ. У древнихъ Грековъ и Римлянъ движенія эти подведены были подъ особыя правила и считались одною изъ главныхъ частей древняго танцевальнаго искусства, называвшагося *Chironomia*. Они умѣли объясняться безъ всякихъ словъ, только мимикой. Само собою разумѣется, что при такомъ обычаѣ палецъ, особенно у женщинъ, становился предметомъ большихъ заботъ. Это было тѣмъ болѣе необходимо, что въ древности женщинамъ еще не были извѣстны перчатки.

Кромѣ ногтей, заботы обращены были также и на зубы. Для этого опять таки имѣлась особая раба. Впрочемъ, вмѣсто того, чтобы чистить зубы, чаще жевали мастику, благовонную смолу отъ мастичнаго дерева (Plin. XXVIII, 11, 49 gr. 178; XXIX, 3, 11 gr. 46; XXX, 3, 8 gr. 22. Mart. III, 82, 9. VI, 74, 3. XIV, 22). Но что это за коробочка въ рукахъ рабы? Тутъ находятся вещицы, тщательно скрываемыя нашими дамами, именно фальшивые зубы изъ слововой кости, свабженныя золотою проволокою для прикрѣпленія ихъ къ челюсти

состарѣвшейся красавицы. Не отдѣльные только зубы, но и цѣлые ряды фальшивыхъ зубовъ были въ употребленіи у древнихъ Римлянъ. Это сдѣлалось имъ извѣстно еще въ первое время римской исторіи, такъ какъ уже въ древнѣйшихъ законахъ, въ такъ называемыхъ двѣнадцати таблицахъ, упоминается о томъ случаѣ, если у покойника оказываются поддѣльные зубы, вставленные посредствомъ золота (Cic. de leg. II, 24, 60. Lucian. Rhet. graec. 24. Mart. X, 56).

Обратимся теперь къ другой важной части женскаго туалета, къ драгоценностямъ. По этой части Римлянки обнаруживали наибольшую роскошь. Коллія Павлика, супруга императора Калигулы, на одномъ свадебномъ пирушестіи уснана была, какъ сообщаетъ намъ Плиній Старшій, жемчугомъ и изумрудами, которые блестѣли у нея въ волосахъ, ушахъ, на шеѣ и на пальцахъ и имѣли цѣнность около трехъ милліоновъ нашихъ рублей. Въ другомъ мѣстѣ Плиній жалуется, что даже ноги украшались золотыми кольцами. „Пусть, говоритъ онъ, женщины украшаютъ золотомъ и руки, и пальцы, и шею, и уши, и лобъ; пусть висятъ у нихъ на шеѣ золотыя цѣпи и крупный жемчугъ, нанизанный на золотую нитку“ (Plin. XXXIII, 2, 12 gr. 40; XXXIII, 3, 12 gr. 40; IX, 35, 58 gr. 117). Подобнымъ же образомъ выражается и Сенека въ своемъ сочиненіи „О благодѣніяхъ“: „Я имѣю въ виду отдѣльныя крупныя жемчужины (pilio), которыя не употребляются болѣе по одной на каждую серьгу, потому что уши привыкли уже къ большей тяжести; ихъ теперь соединяютъ по двѣ и даже по три вмѣстѣ. Женская красота вѣдь недостаточно бы покорила мужчинъ, еслибы на каждомъ ухѣ не висѣли подва или по три помѣстья“ (Sen. de ben. VII, 9. Petron. 55. Plin. IX, 35, 54 gr. 109 sqq. Lucian. Amor. 41). Цезарь купилъ матери Брута, Сервилии, одну жемчужину, которая стоила около 435,000 рублей. Извѣстенъ разказъ о крупной жемчужинѣ, которую царица Клеопатра размочила въ укусу и затѣмъ проглотила, чтобы выиграть закладъ у Антонія (Dio Cass. pag. 644, 24). То же самое, впрочемъ, сдѣлалъ еще раньше Клавдій, расточительный сынъ трагическаго актера Эзопа (Becker, Gall. 153). Золотыя запястья (браслеты) обыкновенно имѣли видъ змѣи, глаза коей состояли изъ драгоценныхъ камней. Трихмалій одѣивалъ вѣсь золота въ запястьяхъ своей супруги въ 6¹/₂ фунтовъ. При раскопкахъ въ Помпеѣ найдено было между прочимъ ожерелье изъ золотой сплетенной ленты, на которой было прицѣплено болѣе 70 маленькихъ сережекъ. На оконечностяхъ этого ожерелья находился родъ замка, обѣ части коего изображали

лягушку, и въ томъ мѣстѣ, гдѣ онѣ сходились, вставлены были красныя яхонты, изъ которыхъ одинъ еще уцѣлѣлъ.

Къ необходимымъ дополнительнымъ частямъ женскаго туалета принадлежали наконецъ еще вѣеры и зонтики (О „*flabella*“ ср. Joh. Chrysost. Vol. VII. pag. 510. Clem. Alex., *Pædag.* II, 11. *Propert.* II, 24, 11. Claud. in *Eutrop.* I, 108 sqq. О „*umbella*“ ср. Ter. *Eup.* III, 5, 47; 50. Mart. III, 82, 11. Cic. *pro Flacc.* 23). Дѣлали ихъ обыкновенно изъ павлиньихъ перьевъ или же изъ деревянныхъ палочекъ; особыя рабыни держали эти вѣера надъ своими господами.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о самой одеждѣ Римлянъ. Прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе на существенное различіе между древне-римскою и нашею теперешнею одеждою. Хотя Римлянки, совершенно такъ же, какъ и дамы нашего времени, ежегодно изобрѣтали новыя названія для отдѣльныхъ частей своего гардероба, однако одежда ихъ состояла собственно лишь изъ трехъ частей, а именно изъ *tunica interior*, *stola* и *palla*.

Ближе всего къ тѣлу была *tunica*, нѣчто въ родѣ нашихъ теперешнихъ рубахъ. Она была довольно коротка, а именно доходила только до колѣнъ, и въ самое первое время, вѣроятно, подобно дорическому хитону, не имѣла вовсе рукавовъ, впоследствии же были у нея широкіе рукава до локтя, прорѣзанные на внѣшней сторонѣ, и снова соединявшіеся посредствомъ застежекъ (аграфовъ). Первоначально *tunica* эта изготовлялась, безъ сомнѣнія, изъ тонкой шерстяной матеріи, которую впоследствии замѣнилъ холстъ, вошедшій скоро въ общее употребленіе. Плиній, передавая слова Варрона, считаетъ странностью, что въ семействѣ Серрановъ все еще соблюдался древній обычай не носить холстяныхъ платьевъ. Туника опоясывалась лишь тогда, когда ее носили дома безъ другихъ платьевъ. Мѣсто корсета заступала кожаная нагрудная лепта (*strophium*) Cic. *har. resp.* 21, 44. Non. p. 538, 7. Mart. XIV, 66; 149. Apul. *Met.* X, 21, pag. 716. Oud. Mart. XIV, 134. Ovid. *A. A.* III, 274. *Propert.* IV, 9, 49), которая, однако, гораздо менѣе корсета сжимала тѣло. Нагрудникъ этотъ Римлянки носили надъ туникой, какъ видно изъ отрывка стихотворца Турпилія, современника Теренція, гдѣ дѣвушка горюетъ о томъ, что потеряла письмо, паходившееся между *tunica* и *strophium*. Изъ одного сочиненія Теренція мы впрочемъ узнаемъ, что, по крайней мѣрѣ, въ его время, Римлянки подобно нашимъ дамамъ стремились имѣть талію осы. Въ „Евнухѣ“, рабъ Хереа говоритъ о предметѣ своей страсти слѣдующее: „Она совсѣмъ не по-

кожа на нашихъ дѣвицъ, матери которыхъ желаютъ сдѣлать ихъ товкотѣльными, а потому наблюдаютъ за тѣмъ, чтобы онѣ крѣпко за-тягивали грудь. Хотя отъ природы онѣ хороши собою, но отъ чрез-мѣрной заботливости матерей становятся похожи на трость".

Сверхъ нижней тунники (*tunica interior*) надѣвалась *stola*, тоже родъ тунники, но длиннѣе, она доходила до самыхъ ногъ, и имѣла рукава, которые впрочемъ закрывали лишь половину верхняго сочлененія руки; эти рукава не зашивались, а имѣли прорѣху на внѣшней сторонѣ, которая соединялась застѣжками, подобно тому, какъ это часто случалось и съ нижнею тунникою. Переднюю и заднюю части такой тунники не снимали, а лишь прикрѣпляли одну къ другой на плечахъ особыми булавками, которыя назывались *fibula* (*Ovid. Met. II, 312, sqq. Verg. Aen. IV, 139, Plin. XXXIII, 3, 12, gr. 39. Mart. V, 42, 5. Jsid. XIX. 31, 17. Varro L. L. VIII, 28; X, 27. Cic. Phil. II, 18, 44. Hor. Sat. I, 2, 29, sqq. 94. sqq. Mart. III, 91, 4. Val. Max. II, 1, 5. Sen. de vita beata, 13, 3. Ovid. ex P. III, 3, 51. A. A. I, 32. Tibull. 6, 67*).

Столу носили и длиннѣе, такъ что она, на подобіе аѳинскаго женскаго платья, была длиннѣе всего стана. Въ такомъ случаѣ полн ея поднимались посредствомъ пояса, сверхъ котораго лишняя часть длины висѣла складкообразнымъ буфомъ. Посему у статуй, облеченныхъ такою столою, часто показывается, будто-бы надъ длиннымъ платьемъ покрывающемъ ноги, надѣто еще другое короткое. Обиліе складокъ столы доказываетъ намъ стихъ Марціала: „На лбу твоемъ больше морщинъ, чѣмъ складокъ у твоей столы“. Особою прихѣтою столы была такъ называемая *instita*, т. е. родъ фалбалы, надшитой у нижняго ея края. Стола знатныхъ женщинъ украшена была около шеи еще золотымъ бортомъ и была привилегированнымъ платьемъ благородныхъ Римлянокъ, точно такъ, какъ тога составляла привилегію римскаго гражданина.

Собираясь выйти на улицу, Римлянка сверхъ столы накидывала паллу (*palla*), которая для женщинъ имѣла то же значеніе, что тога для мужчинъ. Она и похожа была на тогу и имѣла форму широкой длинной шинели, которая опускалась то болѣе, то менѣе низко, иногда до самыхъ стопъ, но не такъ чтобы волочилась шлейфомъ по землѣ. (*Ср. Serv. ad Verg. Aen. I, 479. Verg. Aen. VI, 555. Sen. Troad. 91. Apulei. Met. XI, 3 pag. 758. Oud. Guhl und Konor fig. 465—467*).

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что если уже мужчины обра-

щали большое вниманіе на драпировку тоги, то женщины еще болѣе старались дать накинутой паллѣ самый граціозный и красивый видъ, почему и драпировали ее весьма разнообразно. Такъ, напримеръ, у статуи прислонившейся небрежно младшей Фаустины (скульптуры Антонія Философа), палла раскидана на колѣняхъ, на подобіе плаща; у находящейся же въ Псаполѣ статуи Ливіи, палла оставляетъ грудь свободною, обвиваясь впрочемъ по всему тѣлу такъ, что выходящій изъ подъ праваго плеча конецъ накинутъ на лѣвую руку. У мраморной статуи младшей Агриппины все тѣло почти до ногъ, а также вся голова и обѣ руки покрыты паллою, сложенною въ граціозныя складки. Наконецъ, на картинѣ, найденной въ 1761 году при раскопкахъ Геркулана, и представляющей „уборъ невѣсты“, палла накинута троякимъ образомъ. У матери, сидящей на стулѣ, въ паллу закутана лишь нижняя часть тѣла до талии; у стоящей подлѣ нея дочери палла небрежно виситъ съ верхней части правой руки, оставляя свободными спину и правый бокъ до бедра; у самой же невѣсты палла оставляетъ свободными обѣ руки и правую часть груди, доходитъ до колѣнъ и лежитъ на лѣвомъ плечѣ. Часто палла опускалась на столько, что волочилась по землѣ, на подобіе моднаго шлейфа. Такъ, Овидій, давая наставленія, какимъ образомъ можно оказать услугу молодой своей сосѣдкѣ въ циркѣ, между прочимъ даетъ слѣдующій совѣтъ: „Если палла черезчуръ опустилась, такъ что волочится по землѣ, то услужливо собери и подними ее“. Тотъ же стихотворецъ, описывая торжественное шествіе въ честь богини Юноны, говоритъ: „Гдѣ только является богиня, тамъ дѣвицы и юноши робко шествуютъ впереди, волоча платя по улицамъ (Plaut. Men. I, 3, 14; II, 3, 72. Tibull. IV, 2, 11.—Varro, L. L. V, 130. Ovid. Met. XIV, 262, sqq. Mart. I, 1, 39. Berker. Gall. II, 143. Forbiger, Hellas und Rom. tom. I, pag. 185. Hor. Ep. I, 1, 95. Suet. Oth. 82. Hor. Sat. II, 1, 73. Suet. Caes. 45. Hor. Ep. I, 1, 95. Val. Max. VII, 4, 5. Fest. pag. 309, 2, 911).

Кромѣ tunica, stola и palla къ необходимымъ принадлежностямъ одежды Римлянокъ слѣдуетъ причислить еще vicinium (Ср. Varro. L. L. V, 132. Serv. ad Verg. Aen. I, 282. Nonius, pag. 542, 1 („palliolium breve femineum“). Isidor. Or. XIX, 75, 4), то-есть, прозрачное покрывало или вуаль, который прикрѣплялся на задней части головы и покрывалъ голову и плечи. Употребленіе вуаля было обязательно и второй случай расторженія брака въ Римѣ приписываютъ тому

обстоятельству, что нѣкій Суллицій Галлъ встрѣтилъ жену свою на улицѣ безъ вуаля на головѣ.

Что же касается цвѣта паллы, то она въ первые времена обязательно была бѣлаго цвѣта, какъ и тупика. Лишь со времени Коріолана римскія матроны, то-есть замужнія женщины, въ вознагражденіе услугъ, оказанныхъ ими государству подъ предводительствомъ Ветуриі и Волумніи, получили разрѣшеніе носить пурпуровую одежду съ золотыми бортами. Во время бѣдствій второй пунической войны въ 215 году по инициативѣ народнаго трибуна Оппія, изданъ былъ законъ, чтобы у замужней женщины не было болѣе половинны унціи ($\frac{1}{2}$ лота) золотыхъ украшеній, и другихъ платьевъ, кромѣ бѣлыхъ, но уже 20 лѣтъ спустя законъ этотъ былъ отмѣненъ и въ послѣдствіи цвѣтныя матеріи вошли въ моду; особенно кокетки любили платья яркихъ и брасающихся въ глаза цвѣтовъ. Имѣлись и тогда уже матеріи клѣтчатыя, узорчатыя, испещренныя и волнистыя (*moiré*). Шелкъ же матеріи вошли въ употребленіе лишь со временъ Нерона. Въ дурной славу были тонкія матеріи, изготовлявшіяся на островѣ Косъ, но ихъ тѣмъ не менѣе во время императоровъ охотно носили и знатныя женщины. Передаютъ, что матеріи эти были еще прозрачнѣе, чѣмъ тончайшія ткани нашего времени—тюль, газъ и флёръ (Ср. Hor. Sat. I, 101. Propert. I, 2, 2; IV, 5, 56. Tibull. II, 3, 53; 4, 29. Ovid. A. A. III. 298. Plin. XI, 23, 27 gr. 78. Sen. ep. 90, 21. de ben. II, 9, 5. Mart. VIII, 68, 7.

Остается еще сказать нѣсколько словъ объ обуви Римлянокъ. Дома обыкновенно онѣ ходили въ сандаляхъ, или же босикомъ. Въ царствованіе императора Калигулы было еще дозволено босикомъ не только гулять по улицамъ, но даже являться въ театрѣ. По улицамъ считалось даже болѣе приличнымъ ходить босикомъ, чѣмъ въ сандаляхъ. Сандалиі собственно обязательны были лишь при посѣщеніяхъ къ обѣду. Мужчины всегда обѣдали лежа на кушеткахъ, со временъ же императоровъ и женщина лежала при обѣдѣ, снимая сандалиі. Богатыя Римлянки впрочемъ къ званному обѣду рѣдко ходили пѣшкомъ, но ихъ носили въ портшезахъ особые рабы, а за ними слѣдовалъ рабъ съ сандалиями. Какъ только кончался обѣдъ, немедленно являлись рабы съ сандалиями для прикрѣпленія ихъ вновь къ ногамъ. Такъ какъ дамы къ обѣдамъ являлись босикомъ, а въ лежащемъ положеніи видна была нога во всей ея красотѣ, то много обращалось вниманія на опрятность и нѣжность кожи и на обрѣзку ногтей, для чего непремѣнно также имѣлись особыя рабыни. Кромѣ того древ-

нимъ Римлянкамъ извѣстны были уже и башмаки разнаго цвѣта; особенно любили зеленые и красные (Ср. Cic. de rep. I, 12. in.; pro Mil, 10,28. Plin. Ep. IX, 17,3. Suct. Oct. 73. Tertull. de pall. 5. Plin. IX, 17,30, gr. 65. Jsid. Or. XIX, 34, 10. Acro. ad Hor. Sat. I, 6,28; I, 3, 128. Ovid. A. A. II, 212. Juv. VI, 111. Pers. V, 169. Propert. IX, 29. Gellius, XIII, 20).

Вотъ молодая новобрачная Римлянка готова къ выходу изъ дому. Прогулявши на другой день свадьбы нѣкоторое время по улицамъ въ портшезѣ, она остальное время дня проводить въ циркѣ или въ театрѣ. Въ послѣднемъ она до временъ Августа помѣщалась въ высшихъ рядахъ; въ циркѣ же сидѣла среди мужчинъ. Но на второй уже день она отправляется въ двухъ или четырехколесномъ экипажѣ на взморье въ знаменитое купальное мѣсто Байю. Не будемъ ее провожать туда, чтобы не лишить ее того уваженія, которое мы должны воздать ей какъ римской матронѣ, не смотря на всѣ ухищренія ея туалета. Пусть она останется у насъ въ памяти олицетвореніемъ древнихъ римскихъ добродѣтелей, о которыхъ я упомянулъ въ началѣ этой статьи, пусть будетъ достойною той надгробной надписи, которая гласитъ: „Добродѣтельнѣйшей супругѣ и заботливой хозяйкѣ, страстной любви моей души, съ которою я жилъ 18 лѣтъ 3 мѣсяца и 13 дней. Легка будь ей земля!“

К. Гельбе.